

оригинальная статья

Угольный регион как дискурсивный конструкт: смыслы угля в медиаповседневности Кузбасса

Пискунова Александра Евгеньевна

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Россия, Новокузнецк

<https://orcid.org/0000-0002-1928-0722>

alexpiskunova@mail.ru

Поступила 30.03.2022. Принята после рецензирования 05.06.2022. Принята к публикации 06.06.2022.

Аннотация: Предложено осмысление угля как локально маркированного социокультурного конструкта, реализующего свое предметное содержание благодаря публичным дискурсам в медиапространстве Кузбасса. Данная работа аналитически расположена в рамках широкого концептуального поля социальных исследований экстрактивизма, утверждающих глубокую укорененность и значительное влияние практик добычи ресурсов на организацию современных форм социальности. В основу понимания медиасвидетельств, задающих региональную специфичность темы угля, положен дискурсивный анализ, выступающий феноменологической стратегией социокультурного описания. Применяемый подход позволяет прояснить содержание мышления локального (медиа)сообщества и зафиксировать конкретно-историческое состояние дискурсивной среды. Медиадискурсия угольного региона производит устойчивое понимание угля как значимого ресурса, способного обеспечить общее благосостояние, и угледобычи как экстрактивной практики, основанной на несправедливом распределении выгод и издержек. Порядок дискурса, объективирующий акты коллективного означивания региональной деятельности по освоению угля, составляют экономический дискурс, культивирующий представление об устойчивом экономическом развитии Кузбасса, и экологический дискурс, определяющий понимание специфической «угольной» экологии. В медиаповседневности «угольного» региона дискурсивно представлены два отличающихся источника и, соответственно, режима смыслопорождения: 1) отфильтрованные значения и образы, которые производятся субъектами, имеющими исключительное право на формирование доминирующих публичных дискурсов, такие как СМИ, представители политической и экономической элиты; 2) некоторые частные опыты взаимодействия с проявлениями угледобычи, которые могут стать доступными другим благодаря интернет-возможностям для высказывания. Медиаповседневность образует социальное поле присутствия, и в его рамках члены регионального сообщества воспроизводят коллективную идентичность и «нащупывают» адекватный язык описания реальности, в которой уголь является точкой пересечения экономики и политики, экологии и культуры.

Ключевые слова: уголь, экстрактивизм, медиа, дискурс, угольный регион, Кузбасс

Цитирование: Пискунова А. Е. Угольный регион как дискурсивный конструкт: смыслы угля в медиаповседневности Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2022. Т. 7. № 3. С. 285–297. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-285-297>

full article

Coal Region as a Discursive Construct: Meanings of Coal in the Kuzbass Media Routine

Aleksandra E. Piskunova

Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Kemerovo State University, Russia, Novokuznetsk

<https://orcid.org/0000-0002-1928-0722>

alexpiskunova@mail.ru

Received 30 May 2022. Accepted after peer review 5 Jun 2022. Accepted for publication 6 Jun 2022.

Abstract: In the Kemerovo Region, coal is a local socio-cultural construct that receives its substantive content through the local mass media discourse. Social studies of extractivism reveal the deep-rooted and significant impact of resource extraction on the modern society. This research relied on a discourse analysis of media routine and the meanings of coal it specifies. The method of discourse analysis is a phenomenological strategy of socio-cultural description; it clarifies the conceptual content of local media communities and registers the current state of the discursive environment.

In the Kuzbass media, coal is an important resource that provides well-being, while coal mining is an extractive practice based on an unfair distribution of benefits and costs. This discourse objectifies the acts of collective signification of regional coal development activities. The economic discourse cultivates the idea of sustainable economic development of Kuzbass, while the ecological discourse defines the understanding of the specific coal-mining ecology. Media routine forms a social field of presence, where the regional community reproduces its collective identity and develops a language to describe the reality in which coal is the intersection point of economics, politics, ecology, and culture.

Keywords: coal, extractivism, media, discourse, coal region, Kuzbass

Citation: Piskunova A. E. Coal Region as a Discursive Construct: Meanings of Coal in the Kuzbass Media Routine. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 285–297. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-285-297>

Введение

В последние годы добыча полезных ископаемых настойчиво помещается в фокус внимания социогуманитарных исследователей из разных областей по нескольким причинам. Экстракция, в наиболее общем виде понимаемая как процесс извлечения, выемки объектов / веществ из недр Земли с помощью технических средств [1], насчитывает несколько сотен лет человеческой истории, однако современные процессы уникальны по своей скорости, масштабу, структурной сложности. Изъятие и потребление человеком полезных ископаемых никогда не росли так быстро, как сегодня [2]. Речь идет даже о складывании т. н. эры минерализации: антрополог Дж. Джака предложил термин *минеральный век* для описания текущего исторического момента с его беспрецедентным уровнем производства и потребления минеральных ресурсов [3]. Кроме того, нынешняя интенсификация экстрактивных практик, глубоко вписанная в устройство глобального капитализма и неоллиберальной экономики, проистекает из доминирующей логики роста и ускорения и основополагающей парадигмы жестокой эксплуатации. Соответствующую экономическую модель определяют термином *экстрактивизм*, который подразумевает изъятие ресурсов в больших масштабах, диспропорцию в доступе к материальным благам (в том числе отсутствие социально справедливого распределения ресурсной ренты), навязывание и контроль экстрактивных операций извне [4].

Обеспокоенность экологическими кризисами и проблематизация значительного воздействия человеческой деятельности на геологические процессы и окружающую среду, оформившиеся в концепцию антропоцена [5], демонстрируют, что насильственная природа экстракции, лежащая в основе экстрактивистских моделей развития, не только приводит к необратимым преобразованиям ландшафтов и экологии, но и затрагивает сферу политико-экономических и социокультурных отношений индивидуальных и коллективных субъектов. В связи с этим экстрактивизм все чаще понимается исследователями в более широком значении – не как последовательность

операций и система экономического производства, но главным образом как политическая конструкция, особый образ мышления, идеология, которые лежат в основе быстрого крупномасштабного изъятия ресурсов, воспроизводящего траектории (европейской) экспансии и колониализма [6]. В данной перспективе экстрактивизм может быть рассмотрен как культурная линза, определяющая формы взаимодействия людей с окружающим миром и отношение к нему [7]. Актуализация такого подхода к изучению экстракции и экстрактивизма делает востребованным осмысление (в различных контекстах и конкретных кейсах) социальных и культурных последствий экстрактивизма, значений, воздействий, интеракций и повседневных практик, а также того, как они формируют особые локальные социокультурные системы.

В таком социальном и интеллектуальном контексте точкой динамического напряжения является добыча угля – одного из ключевых видов ископаемого топлива в мировой энергетике. И хотя социально-экономические противоречия угольной экономики вкупе с социально-экологическими преимуществами укрепляющейся нефтяной экономики подорвали позиции угля как топлива в послевоенную эпоху, он являлся ведущим источником энергии на протяжении большей части XX в. и играет существенную роль в мировой истории [8]. Несмотря на научный консенсус в отношении необходимости глобального поэтапного отказа от угля для смягчения последствий изменения климата, угольная промышленность тем не менее продолжает процветать во многих регионах мира, а уголь остается ядром достаточно спорных программ развития корпораций и государств [9; 10]. В российском контексте показательным регионом, базовым сектором экономики которого выступает экстенсивное освоение угля, является Кемеровская область – Кузбасс¹. Здесь уголь становится тем конструктом, где сходятся проблематика исторической памяти и механизмы политической экономики, приемы политической риторики и представления о (социальной)

¹ Кузбасс – родина сильных. *Министерство угольной промышленности Кузбасса*. URL: <https://mupk42.ru/ru/press-center/300-let-kuzbassu/lyudi.php> (дата обращения: 25.11.2021).

экологии. В рамках данной работы сделана попытка описать угольный регион как концептуальный сюжет, связывающий культуру, историю и залежи природных ископаемых.

Кузбасс как один из наиболее развитых регионов Сибири с многоотраслевым народным хозяйством и высокой концентрацией сырьевых и перерабатывающих производств является предметом устойчивого исследовательского интереса. Однако обращение к региональному научному дискурсу обнаруживает заметную экономизацию многоаспектной реальности региона [11], укрепляющую его понимание в основном как административно-политического и экономического объекта. Наибольшую исследовательскую проработку получили проблемы устойчивого развития региона, связываемого с экономическим потенциалом угольной отрасли [12; 13], оценка прогнозов добычи и проблем и рисков развития сектора [14; 15], в том числе в аспекте обеспечения безопасности добывающей деятельности [16; 17].

Также внимание исследователей устремлено к пониманию социально-политических реалий, в которых складывается ресурсная экономика региона. Так, установлению специфических рентоориентированных практик в региональном управлении способствуют низкое качество социальных институтов, апатия населения, отчуждение граждан от власти, слабость гражданского общества, имитация публичного дискурса и бесконтрольность правящей элиты [18; 19]. В перспективе интенсивной экономической деятельности в данной отрасли рассматриваются и сложившиеся напряжения в состоянии экологической среды и социальной сферы Кузбасса. Погоня за быстрой прибылью и хищнический характер эксплуатации природных ресурсов [20] оказывают существенное негативное воздействие на окружающую среду [21; 22], а существующая система институтов в сфере социально-экономических отношений негативно отражается на условиях и качестве жизни [23; 24], что в высокой степени относится к местам традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, расположенным на территории региона [25].

Однако особую актуальность все больше приобретает осмысление феноменов, символически и ментально детерминирующих региональную реальность. Главным образом речь идет о прояснении содержания коллективных представлений регионального сообщества, образов, ценностей и мотивов в общественном сознании. По результатам исследований, в образе восприятия региона молодежью прослеживается амбивалентность оценок угольной отрасли: с одной стороны, она вызывает гордость, а с другой – тревогу за будущее и экологию [26]. Также особенно остро воспринимаются социальные проблемы региона, такие как безработица, высокая преступность, низкие зарплаты, плохое качество медицинского обслуживания [27]. Миграционные установки жителей Кузбасса, артикулированные в коммуникативном фрейме

интернет-обсуждения, обнаруживают в своей основе низкие оценки региона как места жительства по таким основным параметрам, как экологическая ситуация, уровень и качество жизни, ограниченные возможности для самореализации [28]. При этом исследователями фиксируется очевидная работа по целенаправленному позиционированию региона, которая своим результатом имеет формирование определенного имиджа. Кузбасс чаще ассоциируется с пространством экономической деятельности (угольной промышленности). Отмечается противоречивость образа региона, выражающаяся в альтернативных значениях: *развивающийся и погибающий в долгах одновременно, смог / чистота, боль / гордость* [29].

На конструирование имиджа оказывает влияние политическая власть и СМИ, что также помещается в фокус научного интереса. Установлена динамическая взаимосвязь между имиджем региона и публичным дискурсом регионального лидера. В политическом дискурсе губернатора преобладает экономический субимидж – формируется образ Кузбасса как экономически устойчивого региона с интенсивно развивающимся промышленным производством, семантическую связность которому придает использование идеологом *Родина, патриотизм, честность, порядочность, достоинство, благополучие* [30]. Учитывая идейно-концептуальный контекст региональных исследований, широким потенциалом обладает осмысление реалий региона (с особой акцентуацией практик и институциональных образований в рамках освоения угля) в их связи и взаимодействии со смысловыми, знаково-символическими структурами и коллективными представлениями.

С учетом обозначенного аналитического контекста настоящая работа стремится прояснить содержание локального *ресурсного воображения* – системы представлений, возникающих в результате специфических способов понимания отношений между сообществами и окружающей средой и превращения конкретных объектов или веществ в ресурсы. При этом дискурсивное конструирование чего-либо как ресурса всегда влечет за собой использование широкого набора значений, практик и властных отношений, регулирующих, как отношения между природой и обществом культурно производятся и осуществляются в разных ситуациях во временных и пространственных контекстах. Такая исследовательская оптика требует применения социокультурного подхода, который предполагает комплексное изучение форм социальности с акцентуацией основополагающей роли культуры в организации социальной жизни [31]. Потенциал осмысления заявленной проблематики аналитически расположен в проблемно-концептуальном поле изучения региональной культуры, понимаемой как особая форма бытия, результат социально-исторического опыта людей в определенных пространственных координатах, оформленный в подвижную конфигурацию культурных свойств и признаков конкретного региона [32; 33].

Таким образом, основной интерес данной работы сосредоточен на пространстве социокультурных измерений Кузбасса как конкретного угольного региона со своим материальным и историческим наследием, местом динамического напряжения которого является многообразие отношений, возникающих вокруг и по поводу угля. Важно отметить, что в сложившихся социально-экономических условиях Кузбасса сформировано самобытное социокультурное пространство, где в политическом и культурном воображаемом центральное место занимает уголь [34].

Кроме того, данная работа вдохновлена идеями *energy humanities*, в которых, в частности, определено понимание полезных ископаемых как культурных артефактов, имеющих широкое эстетическое и дискурсивное наследие в различных медиа [35]. При этом исследователь имеет дело с реальными жизненными формами, сложившимися в конкретных социоприродных и культурных условиях. В данной работе культура угля – это производство и трансляция имеющих отношение к угледобыче смыслов-содержаний, имеющих знаково-символическое выражение, в том числе зафиксированное в текстах. Речь идет, прежде всего, об их «схватывании» средствами определенного языка, где эти смыслы так или иначе проговариваются, который требует оформления в соответствующих дискурсивных и коммуникативных практиках. Вместе с тем мы говорим о локальной культуре угля, подразумевая предельный континуум смыслов, находящийся в распоряжении определенного социального сообщества, им поддерживаемый, используемый и изменяемый.

В такой перспективе социокультурная реальность региона рассматривается главным образом как результат символического конструирования субъектами собственного жизненного пространства, который опосредуется механизмами идеализации и реализации, интернализации и экстернализации. Поскольку производство и трансляция «угольных» смыслов происходит на всей территории области, релевантно использование медиапространства для продуктивной проблематизации истории, наследия, общественного благосостояния на территории угледобычи. Объект изучения статьи – региональные медиасвидетельства, представляющие поле взаимодействия социокультурных систем, институтов и индивидов, где уголь является ядром смыслопорождения. Обращаясь к пониманию медиасреды Кузбасса, в данной работе применяется дискурсивный анализ, выступающий продуктивной стратегией социокультурного описания в конкретных культурно-исторических и социально-экономических контекстах [36]. Дискурсивно-медийный факт как элемент социокультурной реальности функционирует в качестве точки потенциального разветвления смыслов,

поддерживая общий контекст ценностно-смысловой среды регионального сообщества.

Цель работы – через исследование медийного пространства и публичных дискурсов угольного региона описать проблему взаимосвязи социально-политической и экономической субстанции угля и дискурсивного производства.

Структурные компоненты публичного дискурса угольного региона

Локальная модель угольного экстрактивизма культурно задана системой выраженных в медиапространстве диспозитивов дискурсивной реальности Кузбасса. В первую очередь, добыча угля получает свое смысловое наполнение благодаря экономическому дискурсу, в рамках которого конструируется понимание экономической деятельности угольных компаний и значение угольной промышленности для региональной экономики. В медиаполе широко представлена позиция добывающих предприятий, оперирующих управленческой риторикой в отношении угледобычи: понятия *цели, планирование, прибыль, отчетность* являются ключевыми в дискурсе угольного бизнеса: «Разрез Распадский» *Распадской угольной компании для повышения производительности переходит на блочную систему отработки угольных пластов. <... > Реализация проекта по переходу на блочную систему отработки пластов осуществляется в рамках программы развития «Разреза Распадский» на 2021–2026 гг. Первые результаты повышения эффективности ожидаются в 2022 году. Запланировано, что объемы добычи угля марки ГЖ, ГЖО вырастут до 4,5 млн тонн².*

При этом понимание ландшафтов сведено к набору показателей, таких как площадь, глубина залегания ресурсов, ряд показателей биоразнообразия и т. д. В такой перспективе пространства добычи предстают не как сложные взаимосвязанные экосистемы, а редуцируются до геологической плоскости – территория рассматривается как *ничейная, пустая, доступная* для подземного освоения. Основанная на этом логика беспрепятственной эксплуатации природы порождает погоню за рентой, сопровождающуюся грубыми нарушениями обязательных норм охраны труда и техники безопасности, а также экологических нормативов. Так, в ноябре 2021 г. произошла крупная авария на шахте «Листвяжная», принадлежащей компании АО ХК «СДС-Уголь». В результате происшествия погиб 51 человек, 106 человек пострадали. Как указано в новостных сообщениях, среди причин трагедии отмечаются грубые нарушения правил безопасности (фальсификация работы системы аэрогазового контроля, нарушение правил эксплуатации метан-реле, вентиляторов для проветривания забоя, ошибки в проектировании объектов), халатность со стороны регионального

² «Разрез Распадский» переходит на блочную систему отработки пластов. 18.02.2022. URL: <https://www.metalinfo.ru/ru/news/134301> (дата обращения: 13.05.2022). Здесь и далее по тексту курсивом приведены фрагменты медиасвидетельств; смысловые акценты, оформленные через выделение полужирным начертанием отдельных словосочетаний, сделаны автором.

управления Ростехнадзора³. Последовавшие после инцидента проверки промышленной безопасности на угледобывающих предприятиях региона с начала 2022 г. выявили многочисленные нарушения, их устранение потребовало приостановления деятельности⁴.

Представления угольных компаний о способах ведения экономической деятельности не случайны и являются результатом локальной культуры ресурсов, которая подразумевает добычу угля любой ценой. Такие механизмы способствуют социально и экологически насильственным экономическим процессам, поощряющим максимизацию прибыли и ее концентрацию в руках немногочисленной группы людей (топ-менеджмент и собственники угольных компаний) за счет экстернализации издержек: *Вызывает недоумение деятельность некоторых угольщиков, не выплачивающих налогов и находящихся в предбанкротном состоянии. При этом даже финансово состоятельные угледобывающие предприятия, судя по всему, рекультивацию после завершения деятельности по извлечению полезных ископаемых из земных недр проводить не собираются. Государство нынче никак их к тому не мотивирует, а нести многомиллионные затраты постфактум дураков нет*⁵.

На оценке экономических эффектов освоения угольных запасов основана и позиция регионального правительства, которая при этом принципиальным образом отличается от позиции добывающих компаний, обоснованной логикой собственного обогащения. В дискурсе регионального управления уголь прочно связан с идеей модернизации и благосостояния Кузбасса. Ресурсное богатство представляется всеобщим благом, обрамляется патриотической риторикой общего достояния. В медиаполе региона имеет место возгонка местной культурной гордости, связанной с историческим статусом угля как важного национального товара и его способностью обеспечивать самостоятельность и независимость. Наиболее рельефно подобная дискурсивная позиция прослеживается в высказываниях губернатора региона С. Е. Цивилева: *Вся история Кузбасса связана с углем. Угольная промышленность и связанные с ней производства были и будут одной из основ нашей экономики.*

*Сегодня на шахтах и угольных разрезах Кузбасса трудятся более 97 тысяч человек. А если посчитать людей, занятых в транспортировке и переработке угля, тех, кто выполняет заказы угольной промышленности, прибавить их семьи, получится огромная цифра – более полутора миллионов человек. От работы угольной отрасли напрямую зависит уровень доходов и жизни двух третей населения Кузбасса. Кузбасс добывает больше половины всего российского угля. Наш уголь поставляется практически во все регионы России, а также в 61 страну мира*⁶.

Чувство долга, проистекающее из истории самопожертвования и служения Кузбасса, подкрепляет это отношение. Особое место угледобычи в политическом воображаемом регионе за последние несколько лет было манифестировано как минимум в двух решениях. Указом Президента России от 27.03.2019⁷ Кемеровская область переименована в Кемеровскую область – Кузбасс (при этом оба названия равнозначны) в честь сокращенного названия Кузнецкого угольного бассейна. В 2020 г. в Кузбассе создали единственное в России Министерство угольной промышленности⁸, которое, по словам губернатора области, позволит обеспечить стабильную работу угольной промышленности и создаст условия для ее развития. В основе идеи устойчивого развития региональной экономики, несмотря на все призывы к диверсификации, по-прежнему видится угольная отрасль. Этой значимой абстракции подчинена организация дискурсивного пространства угольного региона.

Медиаполе как особая среда социальной коммуникации предполагает постоянную динамику содержаний через непрерывное производство медиафактов. Благодаря этому угольный Кузбасс как социокультурный конструкт, туго вплетенный в герметичное пространство дискурсов, приобретает, кроме ощутимого пространственного измерения, связанного с образами геологических трансформаций и экосистем, особое временное содержание. Так, угледобыча может быть рассмотрена как сложный временной ландшафт, где ресурсное наследие переплетается с настоящими проблемами и ожиданиями местных сообществ, компаний и администраций на будущее [37].

³ Лапина И. Спустия три месяца. Как идет следствие по трагедии на «Листвяжной». *Аргументы и Факты. Кузбасс*. 09.03.2022. URL: https://kuzbass.aif.ru/incidents/spustya_tri_mesyaca_kak_idyot_sledstvie_po_tragedii_na_listvyazhnoy (дата обращения: 15.05.2022).

⁴ Епифанцев И. В Кузбассе суд частично запретил деятельность шахты из-за ряда нарушений. 13.05.2022. URL: <https://ngs42.ru/text/incidents/2022/05/13/71326709/> (дата обращения: 15.05.2022); Левчук А. Нарушения промышленной безопасности нашли на шести угольных предприятиях Кузбасса. 07.04.2022. URL: <https://ngs42.ru/text/incidents/2022/04/07/71238821/> (дата обращения: 11.05.2022); Епифанцев И. В Кузбассе суд частично запретил работу шахты из-за нарушений. Это четвертый раз за месяц. 30.03.2022. URL: <https://ngs42.ru/text/incidents/2022/03/30/70727480/> (дата обращения: 11.05.2022).

⁵ Бабиков С. «Вихри враждебные веют над нами...». *Кузнецкий Рабочий*. 14.02.2020. URL: <https://kuzrab.ru/rubriki/vihri-vrazhdebnye-veyut-nad-nami/> (дата обращения: 11.05.2022).

⁶ Уголь Кузбасса. Главное – поддержать шахтеров. *Газета «Кузбасс»*. 26.05.2020. URL: <https://kuzbass85.ru/2020/05/26/ugol-kuzbassa-glavnoe-podderzhat-shahterov/> (дата обращения: 11.05.2022).

⁷ О включении нового наименования субъекта РФ в ст. 65 Конституции РФ. Указ Президента РФ № 130 от 27.03.2019. СЗ РФ. 01.04.2019. № 13. Ст. 1390.

⁸ О создании Министерства угольной промышленности Кузбасса. Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса № 389 от 02.07.2020. *Консорциум Кодекс*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570842167> (дата обращения: 10.11.2021).

Такая перспектива позволяет осмыслить способы, с помощью которых добывающая деятельность формируется как конфигурация идей и представлений о прошлом, настоящем и будущем. Добыча ресурсов является точкой пересечения множества взаимосвязанных темпоральностей, таких как сезонная динамика, экономические изменения на рынках ресурсов, технологические разработки, прогнозы и стратегические проекты, обыденные представления о перспективах регионального развития и ожидания, касающиеся устройства общественной жизни.

Стремясь ответить на вопрос, как разные темпоральности (вос)производятся и воспринимаются различными субъектами «угольного» сообщества, отметим, что медиа-Кузбасс артикулируется в двух темпоральных формах. Во-первых, некритическое празднование *великого прошлого*, насчитывающего трехсотлетнюю историю освоения Кузнецкого угольного бассейна. Цивилизаторский троп и романтизирующие воспоминания *тяжелого труда и настоящего дела* придают *широкоплечий*, социально-реалистический налет региональной истории. Помимо этого, укорененность экономического дискурса в поле «угольных» смыслов провоцирует презентистскую риторику, воплощенную в особой местной культурной гордости *настоящего*, связанной с ключевой ролью угольной промышленности в региональной экономике и ее способностью обеспечивать благополучие региона. Так формируется информационная повестка, в которой минимизируется долгосрочный ущерб окружающей среде, наносимый добычей угля, с одной стороны, в то же время подчеркиваются краткосрочные выгоды для местных сообществ и экономики – с другой. Отчетливо фиксируется сдвиг темпоральных измерений в медиаобразе Кузбасса в сторону прошлого и настоящего, а представления о будущем региона затушевываются.

Основным содержанием медиадискурса угольного региона является событийный опыт: освоение угольных запасов предстает как череда ограниченных во времени, но важных для местного сообщества изменений. Пронизанность локальной картины мира событиями, возникающими по поводу и благодаря углю, связана с широким кругом процессов и смыслов: с одной стороны, с обсуждениями и административными решениями относительно развития отрасли, с достижениями, касающимися масштабов угледобычи; с другой стороны с публичными выступлениями и решениями конфликтов между субъектами, чьи интересы напрямую затронуты освоением ресурсов, или чрезвычайными ситуациями на шахтах и разрезах. Поскольку определяющей характеристикой события является его соотнесенность с субъектом, событийность медиадискурса угольного региона способствует конструированию специфических коллективных сущностей, которые А. Голуб назвал

«левиафанами» [38]. Медиапространство Кузбасса становится реальностью, где действуют индивидуальные, олицетворяемые конкретными людьми, но коллективные акторы, такие как региональные власти или угольный бизнес.

Поскольку в регионе политико-экономические механизмы, поощряя экстернализацию и в то же время ослабляя регулирующие усилия, создают риски, которые сложно уменьшить и предсказать, устойчивым региональным сюжетом в медиаполе Кузбасса являются нарушения угледобычи. Сложившиеся инфраструктура и культура добычи в регионе непременно сопровождаются производством уязвимостей и опасностей. Они приобретают свое содержание в дискурсе чрезвычайной ситуации: такие «угольные» катастрофы широко представлены в медиаповседневности региона – от взрывов, пожаров и обвалов на шахтах до падающих камней, нарушенных валунами водоемов и экосистем на территории разрезов. Дискурс чрезвычайной ситуации в угольной отрасли внедряется в медиаповседневность благодаря коммуникативной тактике ориентации, представленной в виде обозначающих позицию власти, бизнеса, контрольных органов заявлений, направленных на формулирование и разъяснение кризисной ситуации и почти никогда – на выявление причин и идентификацию виновных. В предъявлении чрезвычайных ситуаций в угледобыче значимой является их семантизация как управляемых и контролируемых. Дискурсивные конструкции с позиционированием пострадавших, напротив, объединены риторикой бедствия.

Смысловое пространство угледобычи оказывается сложным полем социальной напряженности, поскольку в нем в свернутом виде содержится понимание экстрактивизма как изъятия ресурсов в больших масштабах, которое не приносит прибыли на местном уровне и почти всегда навязывается извне. Присущий публичному дискурсу угольного региона антагонизм разрешается благодаря ресурсным конфликтам. В контексте медиаповседневности Кузбасса конфликты по поводу добычи угля рассматриваются как социокультурный механизм установления локального социального порядка. Примером одного из угольных конфликтов последних лет является обострение напряженности социально-политических отношений в контексте угледобывающей деятельности в районе г. Киселевск. Местные жители, выражая недовольство тяжелыми условиями жизни и бездействием власти, записали видеообращение к премьер-министру Канады Джастину Трюдо, попросив убежища, и обратились с жалобой на геноцид в Гаагский международный уголовный суд, в последующем принявший заявление⁹.

В рамках угольных конфликтов непримиримо сталкиваются две дискурсивные позиции: 1) сторонники добычи

⁹ Тарабукин Д. Огонь и рак. Почему угольному бизнесу в Кузбассе объявили партизанскую войну. 06.07.2020. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5df5cbfc118d7f00b252f59f/ogon-i-rak-pochemu-ugolnomu-biznesu-v-kuzbasse-obiavili-partizanskuu-voynu-5f0290bca587243e691ecb1> (дата обращения: 16.05.2022).

угля, стремящиеся к максимизации прибыли и минимизации убытков; 2) пострадавшие и эксперты, претерпевающие негативные последствия угледобычи и выступающие против экстрактивистской экспансии любой ценой. Причем понятие конфликта охватывает несколько уровней интенсивности – от ненасильственных споров до длительных насильственных столкновений: *Конфликт между угольщиками и экологами давний и, можно сказать, классический: имея диаметрально противоположные интересы, недропользователи и защитники среды обитания человека на многое смотрят по-разному. Но их противостояние долгое время носило, скорее, формальный характер. Но сегодня все поменялось. В последнее время громко заявили о себе и своих интересах и местные жители, чья среда обитания все больше меняется в угоду угольным прибылям, а живых мест, пригодных для безопасного с точки зрения экологии проживания человека, на «теле» Кузбасса остается все меньше и меньше*¹⁰. В рамках угольных конфликтов противостояние сторон, в центре которого – оспаривание status quo сформированной в регионе практики добычи ресурсов, высвечивает проблемы легитимности сформированных формальных и неформальных институтов управления ресурсами и социальной справедливости.

Таким образом, дискурсивная традиция угольного региона воплощается в медиапространстве через множество образов и сюжетов, центрированных на представлении различных субъектов об угле как ресурсе и угледобыче, включенных в первую очередь в смысловое пространство экономических реалий.

Представление об «угольной» экологии и его социокультурные импликации

В воображаемом сообществе, для которых экстрактивизм и его последствия стали неотъемлемой частью локального порядка, понимание окружающей среды является магистральным, поскольку предлагает непротиворечивые интерпретации и ответы на то, что такое ресурсы, как следует понимать природу и какое место в экологии занимает человек.

В социогуманитарных исследованиях все большее распространение получает понимание конструируемого характера реальности: демонстрируется, что значения, которые мы придаем природной среде, культурно обусловлены [39]. Устойчивая культурная конструкция и интерпретация природного мира оформляют то, что может быть названо *работой природы* – тем, как люди приспособливают свое поведение и отношение к социально сконструированным символам [40].

В контексте дискурсивной традиции региона можно говорить об особой «угольной» экологии – многообразии взаимоотношений и взаимодействий местного сообщества и среды его обитания. Их мировоззренческое

толкование связано с тем, каким образом природа, включая человека, последовательно организуется – символически и материально – посредством различных проектов окружающей среды.

Дискурс угольной промышленности, коммуникативными «патронами» которого выступают добывающие компании и региональные администрации, обрамляет природу как отдельную, независимую сущность, формируя тем самым ощущение дистанции. В данной перспективе избавленный от чувства ответственности перед природой угольный бизнес укрепляет отношения власти над природой, легитимизируя ее эксплуатацию. Доминирование такой позиции воспроизводит картезианское разделение общества и природы, неразрывно связанное с его капиталистическими, колониальными и патриархальными измерениями [41]. В региональной картине мира природа присутствует в бесспорно антропоцентрическом пространстве, человек в нем является единственным истинным действующим лицом. Антропос творит себя и окружающий мир, завоевывая, овладевая и присваивая *нечеловеческое* – ландшафты, экосистемы, ресурсы – как *ничейное*. Проект природы угольной промышленности оперирует риторикой господства – идеей укрощения природы, подчинения ее желаниям человечества (точнее, желаниям некоторых членов местного сообщества). Поэтому она предстает в публичном дискурсе как *измеримая, классифицируемая, используемая* и т. д. В символической политике «угольной» экологии окружающая среда выступает как ресурсный резервуар, из которого человек черпает природные ресурсы, и, в зависимости от пространства и времени, как локус и архе потенциальных угроз его жизни. Добывающие компании натурализуют природу-бизнес [42] посредством разработки словаря и грамматики, позволяющих им управлять природными пространствами таким же образом, как они способны управлять своими корпоративными стратегиями и деловыми операциями.

По представленности в медиасреде можно заключить, что местные жители, существуя в материальных условиях угольного Кузбасса, заданных геологическими, экологическими, технологическими трансформациями жизненных пространств добывающей деятельностью угольных компаний, при этом развивают иное понимание природной среды. В его основе – идея о взаимосвязанности и вписанности человеческой жизни в общий экологический порядок, концептуально фиксируемая выражением *человек и природа*. В своих медиареакциях пользователи демонстрируют, что угледобыча оказывает существенное влияние не на автономную Природу, а на жизненное пространство конкретного человека: *Пыль, грязь. Нет покоя ни днем ни ночью: постоянный шум. Речки – черные. Природоохранное законодательство явно нарушают,*

¹⁰ Соловьева И. Почему сегодня каждый новый разрез – это конфликт. МК в Кузбассе. 19.10.2020. URL: <https://www.mk-kuzbass.ru/social/2020/10/19/pochemu-segodnya-kazhdyy-novyy-razrez-eto-konflikt.html> (дата обращения: 10.05.2022).

но на это закрывают глаза. <... > Шум, дым. Пройдешься по огороду – ноги черные. Дом не могу продать, о переселении и речи нет. У меня дети-школьники, как быть – не знаем. О головной боли и кашле уже молчу...¹¹

Осмысление окружающей среды раскрывается через позицию, которая критична к порядкам практик, характерным для региональной экономики. Проблема наследия экстрактивных проектов и последствий добычи полезных ископаемых актуализирует ценностные и морально-этические вопросы о том, сколько можно брать у природы, как следствия локальных практик повлияют на мировую экологию (например, в перспективе обострения глобальных проблем изменения климата), приведет ли деятельность человека к невосполнимым или неисправимым изменениям.

Региональный экологический упадок все чаще включается в повседневный опыт, вызывая сильные психоэмоциональные реакции. Такие личные и коллективные отклики на ухудшение экологии воплощаются в обусловленных региональной культурой формах экологической скорби [43]. В медиапространстве она становится возможностью выражения жизненного опыта людей в связи с пережитыми или ожидаемыми экологическими потерями, включая потерю биоразнообразия, экосистем и значимых ландшафтов из-за хронических изменений окружающей среды. Поскольку экологические проблемы часто остаются незамеченными в повествованиях о добывающей деятельности и политике угольной отрасли, переживание такого «бесправного горя» может негативно сказываться на представлениях о коллективной (региональной) идентичности.

В контексте различных пониманий природы в дискурсивной традиции Кузбасса значимой и парадоксальной оказывается проблема социальной видимости (или ее отсутствия), поскольку многообразие конфигураций видимого и невидимого, смотра и незамечания имеет

тенденцию разделять включенных субъектов по смысловым линиям, предложенным самим экстрактивизмом. В данном ракурсе необходимо сфокусироваться на особой экологической эстетике угольного региона. Повседневное производство медиафактов организуется набором формальных стратегий, позволяющим ресурсным логикам разных субъектов принимать визуальную форму.

Семиотической характеристикой дискурса, реализуемого сторонниками угля, является его сопротивление превращению в зрелище, сопротивление, которое, в свою очередь, приводит к необходимости задействовать репрезентативные возможности, связанные с относительной невидимостью. Ландшафтные трансформации и инфраструктурные комплексы демонстрируются как впечатляющие символы развития и процветания. Характерный мотив вторжения технологической реальности в природное пространство стимулирует к появлению особых эстетических аффектов. Представления технологического возвышенного угледобычи, включенные в визуальный словарь индустриальных образов региона, изображающих БелАЗы, груженные углем, или гигантские экскаваторы на угольных карьерах, стали важнейшим компонентом визуального канона медиаповседневности Кузбасса. При этом природная среда, непосредственно подвергнувшаяся изменениям в результате извлечения угля, демонстрируется в перспективе технологической оснащенности и – символически – как торжество человеческих усилий по освоению ресурсов, оставляя визуально невыразимым разрушительное и опустошающее воздействие на ландшафты (рис. 1¹²).

В такой дискурсивной традиции уголь семиотически устроен как дар природы, редкое сокровище, которое с трепетом принято человеком во благо общественной жизни (рис. 2¹³). В такой оптике ресурс не превращен в вещь как потенциальный товар, не помещен в капиталистический обиход и масштабную добывающую индустрию, а предстает как самоценный.

Рис. 1. Образы «угольной» экологии – оптика угольной отрасли
Fig. 1. Images of the "coal" ecology – the coal industry optics

Рис. 2. Визуальное представление угля как сокровища
Fig. 2. Visual representation of coal as a treasure

¹¹ Марикия М. «Их не остановить»: что угрожает жителям Сибири. РИА Новости. 16.03.2022. URL: <https://ria.ru/20220316/ugol-1778252911.html> (дата обращения: 16.05.2022).

¹² Экология. Кузбассразрезуголь. URL: <https://www.kru.ru/ru/activity/ecology/> (дата обращения: 08.10.2021).

¹³ День шахтера: баннер. URL: [Banner-Den-Shahtera_031-1280x629.jpg](https://www.kru.ru/ru/activity/ecology/) (дата обращения: 08.10.2021).

Проект природы, легитимизирующий центральную роль человека в региональной онтологии, мобилизует социальное воображение, которое помещает фигуру Шахтера в символический центр региональной ресурсной культуры. В Кузбассе сильно наследие советской эпохи, его можно увидеть не только в инфраструктуре городов и организации экономики, но и в более глубоких аспектах социальной жизни – в сложившихся социальных отношениях и культурных практиках. В данном регистре романтический историзм, окружающий труд в промышленности, приводит к формированию стереотипного угольщика – шахтера как архетипического пролетария и народного героя. Локальным культурным каноном стало изображение улыбающегося шахтера, мужественного и красиво взъерошенного после тяжелого дня в шахте, немного переутомленного, но очищенного честным трудом (рис. 3¹⁴).

Визуальное воплощение представлений об окружающем мире в дискурсе местных жителей пронизано экологической этикой, фиксирующей все более жестокий и разрушительный характер взаимодействия между локальными социальностями, в основе которых находится экстрактивистский проект, и природой. Пользователи активно размещают фотографии, демонстрирующие глубокие воронки и груды поднятой породы на угольных разрезах, темноту подземных тоннелей на шахтах, разросшиеся инфраструктуры погрузки и доставки добытого угля. Кузбасс представляется как *грязный* регион: *грязь* символически определяет весь процесс добывающей деятельности. В медиaprостранстве региона можно наглядно наблюдать структурирующую силу социальных представлений о *грязном*, концептуально оформленную в работе

антрополога М. Дуглас [44]. Черный снег, загрязненные реки и озера, темный налет на поверхностях домов и растений есть все «то, что не на своем месте».

Экстрактивные ландшафты позиционируются как символы разрушения и смерти. Такие картины поднимают важные вопросы (индустриального) наследия, которое оставляет добыча угля, и того, кто будет нести ответственность за негативные изменения. В публичном дискурсе региона «угольный» оптимизм, продвигаемый горнодобывающими лобби и их сторонниками, замалчивающий истинные масштабы ущерба, наносимого местной экологии угледобычей, соседствует с антиутопическими образами кузбассовцев об экологическом коллапсе и политическом бездействии. Видение местных жителей демифологизирует экстрактивистские практики, которые, вопреки упрощениям или мистификациям сторонников угля, определяют *мрачное будущее*, связанное с деградацией окружающей среды, ухудшением здоровья местного населения, опустением ландшафтов и залежей полезных ископаемых: *Собственники [угольных компаний] нарушают гражданские права, ужасные трудовые условия и копеечная зарплата. Триллионы кубометров вынуженого угля и триллиарды денег, а люди в нищете, без здоровья, а многих закопали молодыми. Вот такой вот угольный оазис. Уголь – основной источник гибели экологии¹⁵; Я не против угледобычи. Но мы ведь видим, что работают спустя рукава. К тому же, в последние годы среди местного населения резко увеличилась заболеваемость онкологией, смертность. На это упорно закрывают глаза¹⁶.*

Медиаповседневность Кузбасса демонстрирует чрезвычайно сложную и противоречивую символическую нагрузку представлений об окружающем мире. Оспаривание доминирующей концепции природы и ресурсов, вписанной в региональную модель угольного экстрактивизма, свидетельствует о расколе, в котором ценности, убеждения и практика местных сообществ сопоставляются с интересами промышленности и местных администраций.

Символическая сила угледобычи в организации медиаповседневности Кузбасса

Смысловая субстанция угля особым образом вписана в дискурсивное производство социокультурной реальности Кузбасса. Отметим, что разные, порой противоречивые, семантические коды и дискурсивные стратегии образуют в пространстве региона густо переплетенный клубок имеющихся к угляю смыслов и медиатекстов. В первую очередь практика угольного экстрактивизма оказывается встроенной в более широкую региональную космологию обмена.

Рис. 3. Типичное изображение шахтеров в медиаповседневности Кузбасса

Fig. 3. A typical image of miners in the Kuzbass media routine

¹⁴ Шахты Кузбасса: фотогалерея. URL: <https://mupk42.ru/ru/#photo-5> (дата обращения: 08.10.2021).

¹⁵ Комментарий от 27.05.2020 к: Уголь Кузбасса. Главное – поддержать шахтеров. Газета «Кузбасс». 26.05.2020. URL: <https://kuzbass85.ru/2020/05/26/ugol-kuzbassa-glavnoe-podderzhat-shahterov/> (дата обращения: 11.05.2022).

¹⁶ Марикиан М. «Жгут дома, угрожают расправой»: что не так с добычей угля в Кузбассе. РИА Новости. 24.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220224/sibir-1774138803.html> (дата обращения: 16.05.2022).

Ландшафты, ресурсы, сообщества, так или иначе отмеченные влиянием угледобычи, которая резонирует значительно дальше непосредственных областей, подчинены многообразию отношений социального обмена. Общая семантика обмена артикулирована не только в экономических практиках (превращение угля-ресурса в уголь-товар и включение в капиталистическое производство). Социально-политические взаимодействия в рамках региональной действительности также выступают в качестве даров-обменов, подразумевающих акты символического признания: угольная промышленность в лице местной власти и добывающих компаний обеспечивает экономическое благополучие и независимость региона, а «одариваемое» население, парадоксальным образом не получая дара-блага, оказывается должным к отдариванию (политической лояльности). Понятие эквивалентности, возникающее при оценке изъятия ресурсов и оказываемого воздействия, указывает на процесс согласования обменов между человеком и природой: *Угольная буря накрыла город в Кузбассе (видео). Природа «поздравила» с юбилеем; Примечательно, что 6 июля в Кузбассе отметили 300-летие региона. В соцсетях шутят о «подарке природы» к юбилею*¹⁷. Таким образом, в реалиях «угольного» региона основным принципом социального существования становится логика обмена, приводящая к асимметрии тех, кто обменивается (элиты и местного сообщества, бизнеса и природы).

Отличительной особенностью региональной традиции осмысления угля является ее принципиальная антиномичность. Публичные дискурсы имплицитно оперируют регионом как «зоной жертвоприношения», ландшафтом, считающимся расходуемым в погоне за тем, что правительство и промышленные заинтересованные стороны воспринимают как общее благо. При этом реальное экономическое неравенство, во многом определяемое структурой распределения доходов от продажи угля, маскируется патриотической риторикой общего достоинства. Семантика жертвоприношения позволяет схватить ту культурную политику и риторику в регионе, которая представляет непропорциональное воздействие угледобычи, выраженное в деградации окружающей среды, бедности и конфликтах, как цену, добровольно уплаченную в обмен на национальную безопасность и обещание мощной внутренней энергетической экономики. Практика стереотипизации является средством поддержания социального порядка в условиях огромного неравенства.

Литература / References

1. Durante F., Kröger M., LaFleur W. Extraction and extractivisms. Definitions and concepts. Our extractive age. *Expressions of violence and resistance*, eds. Shapiro J., McNeish J.-A. London: Routledge, 2021, 19–30.
2. *Mining encounters: extractive industries in an overheated world*, eds. Pijpers R. J., Eriksen T. H. London: Pluto Press, 2018, 192.

¹⁷ Лысенко А. Угольная буря накрыла город в Кузбассе (видео). *Погода Mail.ru*. 07.07.2021. URL: <https://pogoda.mail.ru/news/47027747/> (дата обращения: 17.08.2021).

Поэтому медийное пространство изобилует представлениями исторической гегемонистской мужественности региона. При этом производимую снизу в рамках непредзаданной коммуникативной активности пользователей идентичность регионального сообщества возможно определить через набор атрибутов и режимов деятельности социальных субъектов. Жителей характеризует традиционализм, семейственность, высокий уровень социального недоверия и подозрительности, нетерпимость и фатализм. Региональный этос породил ранимых, тревожных и зависимых людей, способных на почти героическую форму уступчивости.

Богатый ресурсами, но достаточно бедный Кузбасс, вероятно, несет на себе ресурсное проклятие – центральную черту добывающего капитализма, при котором ресурсоемкий регион страны тем не менее не получает социальных выгод, а вместо этого страдает от нищеты, конфликтов и деградации окружающей среды.

Заключение

В медиаповседневности «угольного» региона дискурсивно представлены два отличающихся источника и, соответственно, режима смыслопорождения. С одной стороны, это отфильтрованные значения и образы, которые производятся субъектами, имеющими исключительное право на формирование доминирующих публичных дискурсов, такие как СМИ, представители политической и экономической элиты. С другой – некоторые частные опыты взаимодействия с проявлениями угледобычи, которые могут стать доступными другим благодаря интернет-возможностям для высказывания. В контексте напряженных экономических и социально-экологических ландшафтов Кузбасса в медиаповседневности разыгрываются многие из центральных тем региональной культурной идентичности. На основе многообразия медиасвидетельств в рамках работы осуществлено своего рода гирцевское «плотное описание» кодов, дискурсивных стратегий и символов, формирующих текстурированные сети социальных смыслов угля.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

3. Jacka J. K. The anthropology of mining: the social and environmental impacts of resource extraction in the mineral age. *The Annual Review of Anthropology*, 2018, 47: 61–77. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102317-050156>
4. Wapner P. Thresholds of injustice. Challenging the politics of environmental postponement. *Our extractive age. Expressions of violence and resistance*, eds. Shapiro J., McNeish J.-A. London: Routledge, 2021, 48–67.
5. Clark N., Yusoff K. Geosocial formations and the anthropocene. *Theory, Culture & Society*, 2017, 34(2-3): 3–23. <https://doi.org/10.1177/0263276416688946>
6. *The anthropology of resource extraction*, eds. D'Angelo L., Pijpers R. J. London: Routledge, 2022, 248.
7. Junka-Aikio L., Cortes-Severino C. Cultural studies of extraction. *Cultural Studies*, 2017, 31(2–3): 175–184. <https://doi.org/10.1080/09502386.2017.1303397>
8. Willow A. J. *Understanding ExtrACTIVISM. Culture and power in natural resource disputes*. London: Routledge, 2019, 294.
9. Brown B., Spiegel S. J. Coal, climate justice, and the cultural politics of energy transition. *Global Environmental Politics*, 2019, 19(2): 149–168. https://doi.org/10.1162/glep_a_00501
10. Lehotský L., Černoch F., Osička J., Ocelík P. When climate change is missing: Media discourse on coal mining in the Czech Republic. *Energy Policy*, 2019, 129: 774–786. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.02.065>
11. Решикова И. П. Шахтерская территория как региональный бренд. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2010. № 1. С. 119–125.
Reshchikova I. P. Miner's territory as a regional brand. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (1): 119–125. (In Russ.)
12. Манаков Ю. А., Куприянов А. Н., Копытов А. И. Добыча каменного угля в Кузбассе в аспекте устойчивого развития региона. *Уголь*. 2018. № 9. С. 89–94. <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2018-9-89-94>
Manakov Yu. A., Kupriyanov A. N., Kopytov A. I. Kuzbass coal mining for the region stable development. *Ugol*, 2018, (9): 89–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2018-9-89-94>
13. Шевелева О. В., Слесаренко Е. В. Устойчивое развитие угледобывающего региона: технико-технологический и экологический аспекты. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2019. Т. 13. № 4. С. 1537–1548. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1537-1548>
Sheveleva O. V., Slesarenko E. V. Sustainable development of a coal-mining region: technological and ecological aspects. *Russian Journal of Economics and Law*, 2019, 13(4): 1537–1548. (In Russ.) <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1537-1548>
14. Дрыгин М. Ю. Оценка перспектив добычи угля в Кузбассе. *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2020. № 2. С. 87–96. <https://doi.org/10.26730/1999-4125-2020-2-87-96>
Drygin M. Yu. Evaluation of the perspectives of coal production in Kuzbass. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2020, (2): 87–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.26730/1999-4125-2020-2-87-96>
15. Новоселов С. В., Оганесян А. С. Проблемы, риски и прогнозы развития угольной промышленности Кемеровской области на период до 2035 года. *Уголь*. 2021. № 2. С. 38–41. <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-2-38-41>
Novoselov S. V., Oganesyanyan A. S. Problems, risks and forecasts for the development of the coal industry in the Kemerovo region for the period 2025–2035. *Ugol*, 2021, (2): 38–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-2-38-41>
16. Хорошилова Л. С., Осипова А. А. Безопасность угольных шахт как условие социально-политической стабильности региона. *Вестник научного центра по безопасности работ в угольной промышленности*. 2015. № 2. С. 32–36.
Khoroshilova L. S., Osipova A. A. Coal mine safety as condition of the region social-political stability. *Vestnik nauchnogo tsentra po bezopasnosti rabot v ugolnoi promyshlennosti*, 2015, (2): 32–36. (In Russ.)
17. Кожевников А. А. Региональная политика и социальная безопасность угольных шахт (на примере Кемеровской обл.). *Горный информационно-аналитический бюллетень*. 2009. № 12. С. 26–31.
Kozhevnikov A. A. Regional policy and social safety of the coal enterprises. *Mining Informational and Analytical Bulletin*, 2009, (12): 26–31. (In Russ.)
18. Урбан О. А. Институциональные особенности взаимодействия бизнеса и власти в Кемеровской области. *Вестник Международного института экономики и права*. 2012. № 1. С. 39–47.
Urban O. A. Institutional features of the interaction of business and government of the Kemerovo region. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava*, 2012, (1): 39–47. (In Russ.)
19. Чирун С. Н. Проблемы функционирования регионального политического режима на примере Кемеровской области. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 44. С. 253–268. <https://doi.org/10.17223/1998863X/44/24>
Chirun S. N. Problems of the functioning of the regional political regime on the example of Kemerovo oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, (44): 253–268. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/44/24>

20. Невзоров Т. Б., Манаков Д. А. Проблемы реализации норм экологического права в промышленной провинции России (на примере Кузбасса). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2017. № 4. С. 77–87.
Nevzorov T. B., Manakov D. A. Implementation problems of the environmental law norms in the industrial regions of Russia (the case of Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2017, (4): 77–87. (In Russ.)
21. Синьков Л. С., Мартемьянова А. Н. Анализ воздействия угледобывающих предприятий Кузбасса на природную среду. *Записки Горного института*. 2014. Т. 208. С. 65–69.
Sinkov L. S., Martemyanova A. N. Impact analysis coal mining enterprises of Kuzbass on the environment. *Zapiski Gornogo instituta*, 2014, 208: 65–69. (In Russ.)
22. Копытов А. И., Куприянов А. Н. Новая стратегия развития угольной отрасли Кузбасса и решение экологических проблем. *Уголь*. 2019. № 11. С. 89–93. <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2019-11-89-93>
Kopytov A. I., Kupriyanov A. N. A new strategy for the development of the coal industry of Kuzbass and solving environmental problems. *Ugol*, 2019, (11): 89–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2019-11-89-93>
23. Бабина С. И., Егорова Н. М. Анализ уровня жизни населения Кемеровской области – Кузбасса в контексте ресурсной зависимости экономики региона. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 3. С. 357–373. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373>
Babina S. I., Egorova N. M. Effect of resource economy on the standard of living in the Kemerovo Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 357–373. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373>
24. Шутько Л. Г., Самородова Л. Л. Влияние угледобывающей промышленности Кузбасса на здоровье населения региона. *Уголь*. 2021. № 9. С. 46–50. <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-9-46-50>
Shutko L. G., Samorodova L. L. The impact of the Kuzbass coal mining industry on the health of the region's population. *Ugol*, 2021, (9): 46–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-9-46-50>
25. Поддубиков В. В., Осипов К. И. Поземельные конфликты в местах традиционного хозяйствования шорцев: типология, факторы, модели конфликтогенеза. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 3-3. С. 122–127.
Poddubikov V. V., Osipov K. I. Land-use conflicts in the areas of the shor people's traditional economic activities: types, factors and origin patterns. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-3): 122–127. (In Russ.)
26. Авилов Г. М. Особенности региональной идентичности молодежи Кузбасса. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2019. № 4. С. 6–17.
Avilov G. M. Features of the regional identity of young people of Kuzbass. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2019, (4): 6–17. (In Russ.)
27. Яницкий Л. С. Имидж Кузбасса в восприятии студенческой молодежи региона. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2020. № 3. С. 99–106.
Yanitskiy L. S. Image of Kuzbass in the perception of student youth of the region. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2020, (3): 99–106. (In Russ.)
28. Протасова Т. Н. Оценка места жительства как фактор формирования миграционных установок жителей Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2019. Т. 4. № 4. С. 367–375. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-4-367-375>
Protasova T. N. Residency assessment as a factor of migration tenets of Kuzbass residents. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(4): 367–375. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-4-367-375>
29. Герасимчук Д. М., Мельник Н. В. Образ Кемеровской области в обыденном языковом сознании жителей страны как результат политического позиционирования региона. *Филология и человек*. 2019. № 2. С. 111–123. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2019\)2-10](https://doi.org/10.14258/filichel(2019)2-10)
Gerasimchuk D. M., Melnik N. V. The image of "Kemerovo region" in everyday language consciousness of the country residents as a result of the region political positioning. *Filologiya i chelovek*, 2019, (2): 111–123. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/filichel\(2019\)2-10](https://doi.org/10.14258/filichel(2019)2-10)
30. Чепкасов А. В. Моделирование имиджа Кузбасса по данным СМИ. *Мир русского слова*. 2018. № 2. С. 36–40.
Chepkasov A. V. Modelling of the image of the Kuznetsk basin according to the media. *The World of Russian Word*, 2018, (2): 36–40. (In Russ.)
31. Резник Ю. М. Социокультурный подход как методология исследований. *Вопросы социальной теории*. 2008. Т. 2. С. 305–328.
Reznik Yu. M. Sociocultural approach as a research methodology. *Voprosy sotsialnoi teorii*, 2008, 2: 305–328. (In Russ.)

32. Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А., Саркисова Е. Г. Методологические основания исследования понятия «региональная культура». *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. 2022. № 3. С. 11–15. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2022.03.05>
Gorlova I. I., Bychkova O. I., Kostina N. A., Sarkisova E. G. Methodological basis for studying the concept of "regional culture". *Sovremennai'a nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Serii: Poznanie*, 2022, (3): 11–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2022.03.05>
33. Яковлева Е. Н. К определению понятия «региональная культура». *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2013. № 4. С. 256–262.
Yakovleva E. N. The definition of the concept of regional culture. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (4): 256–262. (In Russ.)
34. Поддубиков В. В., Арцемович С. А., Функ Д. А. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта. *Сибирские исторические исследования*. 2018. № 2. С. 142–163. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/8>
Poddubikov V. V., Artsemovich S. A., Funk D. A. The "resource curse" with a shade of anthracite: indigenous peoples and extractive companies of Kuzbass in a conflict situation. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia*, 2018, (2): 142–163. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/8>
35. *Energy humanities: an anthology*, eds. Szeman I., Boyer D. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2017, x+595.
36. Тимощук Е. А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2012. № 4. С. 66–73.
Timoshchuk E. A. Discourse analysis as a phenomenological strategy of socio-cultural description. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofii. Psihologiya. Sociologiya*, 2012, (4): 66–73. (In Russ.)
37. D'Angelo L., Pijpers R. J. Mining temporalities: an overview. *The Extractive Industries and Society*, 2018, 5(3): 215–222. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2018.02.005>
38. Golub A. *Leviathans at the gold mine: Creating indigenous and corporate actors in Papua New Guinea*. Durham, London: Duke University Press, 2014, 264.
39. Aldeia J., Alves F. Against the environment. Problems in society / nature relations. *Frontiers in Sociology*, 2019, 4. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00029>
40. Islam M. S. Sustainability through the lens of environmental sociology: an introduction. *Sustainability*, 2017, 9(3). <https://doi.org/10.3390/su9030474>
41. Mets A. Female mountain, masculine mining: an interpretation of entbergen. *Eidos: Journal of Philosophy of the University Del Norte*, 2018, (29): 119–149. <http://dx.doi.org/10.14482/eidos.29.7129>
42. Brown M. Managing nature-business as usual: resource extraction companies and their representations of natural landscapes. *Sustainability*, 2015, 7(12): 15900–15922. <https://doi.org/10.3390/su71215791>
43. Cunsolo A., Ellis N. R. Ecological grief as a mental health response to climate change-related loss. *Nature Climate Change*, 2018, 8: 275–281. <https://doi.org/10.1038/s41558-018-0092-2>
44. Douglas M. *Purity and danger: an analysis of concepts of pollution and taboo*. London: Routledge, 2002, 272.